

бюсси. Он интонационно близок Мусоргскому, моему любимому русскому композитору, в музыке которого много интонаций грядущего XX века. (А творчество композитора XX века я считаю основой моего музыкального «я»). По силе воздействия Мусоргский для меня сопоставим с Вагнером. Я пела романсы Вагнера на стихи Матильды Везендонк и «Смерть Изольды». Очень люблю просто слушать Вагнера — он покоряет своим не подавляющим, а каким-то «накрывающим» воздействием.

И особенно горжусь тем, что первая записала на пластинку прокофьевскую Маддалену, эта опера близка эпохе модер-

сущность. Когда ее муж и любовник убивают друг друга на дуэли, она задумчиво произносит: «...Кого из вас любила Маддалена? Быть может — никого...». А потом восклицает: «Свободна и счастлива!». То есть наконец-то не надо выбирать. Вот это «свободна и счастлива» и есть кредо моей жизни.

— А в каком смысле человек искусства может быть свободен? Ведь творчество диктует художнику свои законы...

— Я говорю о свободе распоряжаться своими способностями и мастерством. Для меня очень много значит сам факт, что Монтсеррат Кабалье пела вместе с Фредди Меркью-

не. Может быть, из-за этой черты характера моя деятельность и не получила такого размаха, на который могла бы рассчитывать.

— Вы об этом жалеете?

— Яркая карьера, которой добились или добиваются на вокальном поприще многие, меня никогда не привлекала. Я уверена, что достижения вершин карьеры в наше время сопряжено с тем, что мне глубоко противно, что разрушает мой внутренний мир. А для меня события моего внутреннего мира важнее многих внешних. Я счастлива жить своим делом в своем мире.

— Как рождаются ваши программы?

— Я увлекаюсь какой-либо темой или целым художественным направлением. И начинаю искать, какие плоды эта тема или направление оставили во всех областях искусства. Часто отталкиваюсь от языка.

Прежде чем получить музыкальное образование в Институте имени Гнесиных и в аспирантуре Ленинградской консерватории, я окончила Институт иностранных языков. Преподávalа в МАДИ английских. Свободно владею английским и французским. Все это обогащает мои творческие поиски и позволяет подчинять вокальные трудности художественным задачам.

— Как это согласуется с вашей работой в филармонии?

— Мне грустно, что моя любимая alma mater — Московская государственная филармония — не уделяет сейчас никакого внимания не только моему творчеству, но и многим солистам, оставшимся

работать в России. Некоторые говорят: «Может, оно и к лучшему — хоть не мешает...». Но я бы предпочла внимание и заботу о моих программах, обсуждения, проводимые достойными людьми, у которых можно было бы учиться. Понимаю, что требую почти невозможно по нынешним временам...

— А раньше было лучше?

— Раньше филармония заказывала программы. А теперь, когда все превратили в рынок, я очень жалею, что у меня нет продюсера или импресарио. Ведь я имею не только свои программы, но и дивные туалеты, которые сделали для меня друзья — замечательные художники Нина Левитина и Лера Яхловская, дизайнер Кабачка «13 стульев».

— Однако, несмотря на отсутствие импресарио, вы побывали во многих странах. Что больше всего запомнилось?

— Я пела в Англии, Норвегии, Германии, Франции, Болгарии, бывшей Югославии... Пела на Авиноньском фестивале на подиуме, где ставится «Гамлет». Была в Китае на торжествах, посвященных 150-летию Чайковского, пела по-китайски песню «Моя Родина».

Я не была потрясена ни Парижем, ни Авиноном, ни Лондоном. Мне показалось, что большие города, даже самые знаменитые, сейчас одинаково урбанизированы... И в Европе, и на Востоке.

Во дворцах Пекина запомнился черепашовый гробень императрицы на столике — живая личная деталь в этих бесконечных древних залах, которая пробуждает ощущение времени. В Шанхае было инте-

ресно увидеть места, связанные с именем Вертинского.

А вот Южная Африка произвела на меня ошеломляющее впечатление. Там соприскаешься с первозданностью, понимаешь, что и сама мать-земля когда-то родилась. Захватывающие контрасты: водопад Виктория — представляете, огромная река Замбези падает со скалы, и тут же по ней плавают диснеевский пароходик, на котором добираться на остров, где каждый олененок похож на Бемби, в воде кофейного цвета — бегемоты, а на пристани — обезьянка с личиком, как солнце...

В Зимбабве сохранились города в строгим викторианском стиле, после которых мы видели в горах древний город зулусов. Общее впечатление, что ты находишься в глубокой древности, во времена возникновения Земли.

— Какой чудесный рассказ, даже редактировать нечего. Вы не пробовали писать?

— Пишу тексты цикла радиопередач «Зов мира», который веду на радио «Орфей». Цикл посвящен музыке разных народов и континентов. Я создаю эти передачи вместе с редактором Катей Улановской — человеком, способным разделить, понять, а иногда и обогатить мои фантазии.

Друзья говорят, что я хорошо пишу письма. Давно раздумываю, не попробовать ли свои силы и в других жанрах. Это во многом зависит от людей, с которыми общаешься. Среди моих друзей есть представители всех видов искусства, кроме вокала. Хотя я знакома со многими известными певцами.

Жаль, что между собой вокалисты редко дружат по-настоящему. Конкуренция...

— Какие певцы являются для вас ориентиром, авторитетом?

— Сазерленд, Леонтин Прайс, Кабалье, многие другие великие мастера. Я восхищаюсь в других тем, чего нет у меня самой. Например — напором, темпераментом, уверенностью Галины Вишневской. Я впервые услышала ее в детстве, в маленьком зале на Никольной горе, недалеко от нашей дачи. Меня просто заворожили ее необыкновенно пластичные руки и белое платье с синими колокольчиками... А Ростропович аккомпанировал на рояле. Позже я оценила ее исполнение Четырнадцатой симфонии и блоковского цикла Шостаковича, камерных сочинений Мусоргского и Чайковского.

Мне же самой близко стремление петь сочинения, созданные для разных типов голосов. Потому что мой голос тяготеет к типу *soprano assoluta*, позволяя исполнять репертуар и сопрано, и меццо.

— Диапазон вашего голоса так же широк, как и диапазон ваших творческих интересов?

— От «ми» малой октавы до «ми» третьей. Это много, и это не всех приводит к добру. У меня были технические трудности в верхнем регистре. Спасибо Любе Казарновской: она научила меня приемам, позволявшим избавиться от этих проблем. Сейчас я с увлечением изучаю тонкости вокальной школы в связи со своей преподавательской работой.

— Вы еще и преподаете!

— В Гнесинском училище

уже три года. Друзья убедили, что надо это делать. Во-первых, жизнь сейчас непредсказуема, так что полезно владеть «смежными» профессиями. Во-вторых, моя бабушка пела в опере Зимины, мама училась пению у знаменитого Мазетти, воспитавшего Барсову, Нежданову, Обухову. Они передали мне такие навыки и впечатления, которыми грешно не поделиться.

В результате я серьезно заинтересовалась преподавательской работой и возлагаю на своих учениц большие надежды. Очень приятно, что мне удалось создать в классе такую атмосферу, в которой возникают товарищеские отношения. Мои девочки помогают друг другу и в поисках репертуара, и в освоении вокальных навыков, и в подборе концертных платьев.

— Вы рассказали о многом, что вам интересно, дорого, что вызывает ваши симпатии. А чего вы не любите?

— Непонимания сути вещей. Неспособности ценить красоту заката, доброе слово, каждый момент жизни. Не люблю, когда жизнь сводят к узко утилитарной, конъюнктурно-выгодной деятельности. Не выношу, когда что-то мешает творчеству, перебивает художественную работу. Ведь красота очень хрупка. Хотя, на мой взгляд, она действительно спасет мир, и нас и, возможно, наш быт. Внести красоту в быт — чудесно. А тащить быт на сцену, в искусство — отвратительно. Быт — это быт, а красота — это красота. И отстаньте все, не мешайте создавать красоту...

Беседу вел
Ярослав СЕДОВ.

И СЧАСТЛИВА

на и по духу, и по времени создания.

— Это не могло произойти случайно...

— И тем не менее иногда вдруг возникают возможности, которые странно совпадают с твоими мечтами и неосознанными желаниями. Я благодарна за приглашение Геннадия Рождественскому, который был инициатором и дирижером этой записи. Образ Маддалены мне очень близок. В нем есть и драматизм, и темперамент, и лирика. Хотя опера посвящена Маддалене, в дуэтах она играет холодно-отстраненную роль. А в последней сцене выявляется вся ее

ри, — человек не застыл бронзовым монументом своим достижениям.

Кроме того, есть свобода выхода в новые области искусства. Поэтому я стараюсь петь редко исполняемый репертуар, чтобы не быть чьей-то последовательницей. Начинала с программы музыки XX века уже на своем дебютном концерте в 82-м году в Малом зале Московской консерватории.

Мне всегда было интересно то, в чем много воображения. Я люблю, когда ничто не сковывает фантазию. Это иногда не согласуется с общепринятыми представлениями о дисципли-

Культура. — 1994. — 1 окт. — с. 9